

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

Э. А. Грушина

ФОРМА ВРЕМЕНИ НА *-a/-e* ПО ПАМЯТНИКАМ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Предметом анализа в данной статье является парадигма, которая обычно толкуется как желательное наклонение (Optativ). В зависимости от взгляда исследователя на характер этой категории состав ее элементов в разных работах представлен по-разному. Так, в грамматиках турецкого языка, изданных в последнее время, в парадигму желательного наклонения включаются следующие формы: *-(y)ayım*¹, *-(y)asın*, *-(y)a*, *-(y)alım*, *-(y)asınız*, *-(y)alar*²; *-(y)ayım*, *-(y)asın*, *-sın*, *-(y)alım*, *-(y)asınız*, *-sınlar*³.

Автор самой ранней дошедшей до нас грамматики турецкого языка приводит сходную парадигму, рассматривая ее как будущее время: *-(y)am*, *-(y)asın*, *-(y)a*, *-(y)avuz*, *-(y)asız*, *-(y)alar*⁴.

Ниже мы попытаемся уточнить, в каком отношении находились указанные формы между собой и что представляло так называемое желательное наклонение по тем материалам, которые нам дают письменные памятники турецкого языка.

Спрягаемая основа *-a*, отмеченная уже в первых письменных памятниках турецкого языка, была одним из основных элементов в системе временных форм приблизительно до XVII в., постепенно утратив эту роль в связи со значительными сдвигами в кругу форм настоящего и будущего времени. На протяжении этого периода спрягаемые формы данной основы предстают как единая парадигма, состав элементов которой отличается по отдельным памятникам лишь аффиксами лица, что было обуслов-

¹ В дальнейшем везде дается лишь один вариант аффикса.

² А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 246; то же, Muharrem Ergin, *Türk dil bilgisi*, İstanbul, 1962, s. 295.

³ H. J. Kissling, *Osmanisch-türkische Grammatik*, Wiesbaden, 1960, S. 87.

⁴ Bergamalı Kadri, *Müessiret-ül-Ulûm*, yayınlıyan Besim Atalay, İstanbul, 1946, s. 21.

лено постепенной сменой норм и в кругу этой категории. Примеры: *olavan* (К. Д., 16), *gülevem* (S. V., 5), *varam* (К. Д., 13), *göresin* (Gülş., 91), *ola* (Кор., 30), *diyevüz* (Kad., 10), *varasız* (Yus. Z., '89), *bileler* (К. Д., 3).

Вопрос о характере турецкой формы на *-a* обычно затрагивался исследователями в связи с попытками определить истоки и пути развития форм желательного наклонения (типа турецких *-(y)ayım*, *-(y)alım* с соответствующими вариантами по разным тюркским языкам)⁵. Точки зрения по этому вопросу различны. Большинство исследователей поддерживается взгляд, высказанный Ж. Дени на происхождение формы общетюркского желательного наклонения *-[ä](y)//-[i](y)* из **-käy//*-kiy* «безличного Optativ'a, недифференцированно заключавшего в себе значения приказа, необходимости, повеления, намерения и будущего, которые разделились лишь впоследствии»⁶. Здесь следует заметить, что исследователи, ссылаясь сочувственно или критически на эту мысль французского тюрколога, связывают обычно желательное наклонение с формой *-ğay* современных языков и ряда восточнотюркских памятников, между тем как Ж. Дени и *-ğay* выводил из указанной выше гипотетической формы, намечая один из возможных путей ее развития, и прямой связи между ней и основой желательного наклонения, как нам представляется, не проводил. Но основу общетюркского желательного наклонения Ж. Дени непосредственно связывал с турецкой формой *-a*, рассматривая ее именно как основу желательного наклонения (а также ряда временных форм). Против выведения основы желательного наклонения *-a(y)* из *-gay* возражал В. Котвич, видя в последней образование более новое, имеющее причастный характер. Однако и В. Котвич основу желательного наклонения отождествлял с турецкой спрягаемой основой *-a*⁷. С точки зрения конечных результатов развития Н. К. Дмитриев считал возможным говорить о двух типах желательного наклонения: с основой на *-a* (отождествляя ее с турецкой формой *-a*) и *-ğay*⁸. Примечательно к восточнотюркским памятникам К. Брокельманн различает желательное наклонение (Voluntativ, формы 1-го лица) и основу на *-ğay*, допуская их возможную в процессе истории контаминацию⁹.

⁵ В дальнейшем, говоря о желательном наклонении, мы будем иметь в виду формы именно этого типа.

⁶ J. Dénys, *Grammaire de la langue turque*, Paris, 1921, § 1343.

⁷ В. Котвич, *Исследование по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 268—269.

⁸ Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 121—122; *Турецкий язык*, М., 1960, стр. 52.

⁹ C. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens*, Leiden, 1954, § 179.

Большинство исследователей, затрагивавших в связи с вопросом о желательном наклонении турецкую форму на *-a*, исходили как из данного, что это основа желательного наклонения, не пытаясь уточнить комплекс ее значений и ее место в кругу других спрягаемых форм. Не находит обычно объяснения и параллельное существование форм типа *ala-m* и *alaym* (< *alayn*). В новейших работах турецких исследователей эти формы рассматриваются как разные по своему происхождению, хотя толкование первой формы остается прежним — желательное наклонение¹⁰.

В определении спрягаемой формы на *-a* в турецком языке мы исходим из того, что она генетически связана с восточно-тюркской формой *-ġay*, вариантом которой был аффикс *-ġa*, давший в юго-западных языках форму *-a* в силу закономерного выпадения гуттурального согласного перед широкими гласными в ряде аффиксов и падения конечного *y*¹¹. Вместе с тем основа желательного наклонения, общая для большинства тюркских языков, непосредственно не связана с формой на *-ġay* в том ее качестве, как она зафиксирована в памятниках, тем самым желательное наклонение не связано прямым образом и с турецкой спрягаемой основой на *-a*, хотя, возможно, обе категории могут быть ступенчато возведены к общему источнику.

Памятники турецкого языка для 1-го лица единственного числа желательного наклонения зафиксировали две формы: *-(y)ayn* и *-(y)aym*. Аффикс *-in* > *-im*, очевидно, этимологически не был связан с личным местоимением и лишь в процессе истории был переосознан как аффикс лица (отсюда возможные контаминации с собственно аффиксами лица — см. ниже)¹². Аффикс 1-го лица единственного числа в форме времени на *-a* имел

¹⁰ М. Ergin, *Türk dil bilgisi*, İstanbul, 1962, s. 295.

¹¹ М. Рясенен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 135—136; Г. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 87; в словаре Абу-Хайяна постоянно подчеркивается параллелизм форм типа *kälkäysän* и *kälkäsän*, *kälkäy* и *kälkä* (Абу-Наууац, *Kitab al-Idrak li-Lisan al-Atrak*, İstanbul, 1931, s. 160). О происхождении турецкой формы *-a* из *-ġa* см. также Talât Tekin («Türk dili», 1954, с. IV, № 38, s. 94). В равнинных турецких памятниках, а также в восточнотюркских памятниках, отмеченных огузскими чертами, зафиксированы формы с основой *-ay*, которую можно было бы рассматривать как параллельную *-ġay* (см. также С. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik*, § 179). По А. Габэн, *-ġay* < *-ġa* (глагольное имя) + *y* («Alttürkische Grammatik», Leipzig, 1950, Nachträge, 114, 3). Я Шинкевич форму на *-ġa* связывает с глагольным именем *-ġu* (Rabʿuzis Syntax, — MSOS, XXX, 1927, S. 31), та же мысль у Я. Экмманна (PhTF, 132).

¹² В. Котвич, *Исследования по алтайским языкам*, стр. 268; Э. В. Севортян, *Категория сказуемости*, — ИСГТЯ, II, М., 1956, стр. 21.

ту «аномалию», что в нем не было соединительной гласной (*-m*). Мы не считаем возможным рассматривать аффикс *-m* как вариант уже существовавшего в ту эпоху аффикса *-(y)am/-(y)em*. Существование последнего было лишь той предпосылкой, благодаря которой форма *-m* стала преобладающей по сравнению с более старой формой *-vän/|-väm*. Еще труднее видеть в форме типа *ala-m* результат трансформации аффикса желательного наклонения (в большинстве случаев этот процесс приводит к форме с узкими гласными типа *alium//alium//alim*). Аффикс *-m* в форме 1-го лица, возможно, следует рассматривать как модификацию полного аффикса *-vän/|-väm* так же, как это имело место в случае *-ga+ -män*. Ср. *barğamän, tarğamän* (Kutb, 31—32) и наряду с этим *salğa-m* (там же, 151), *kılmağa-m* (там же, 48). Аналогичное явление отмечено в употреблении 1-го лица условного наклонения *alsa-m* и *alsa-män* (Kutb, 224). Ср. также у Абу-Хайяна *aldu-m* и *aldu-män* (указ. соч., стр. 160).

Причины и условия такого функционирования полного аффикса еще нуждаются в объяснении¹³. В форме *-ay*, отмеченной в некоторых памятниках, как и в форме *-ğay*, был только полный вариант аффикса. Ср. *aytaymän* (A. S., 16), *biläymän* (Kutb, 142, 176), *aytaymän* (Kutb, 268). Видеть здесь контаминацию основ времени и желательного наклонения, как это имеет место с контаминацией аффикса лица в формах типа *bağlayın* и *bağlağayın* (см. ниже), мешает то обстоятельство, что в турецких памятниках сохранились следы той формы времени на *-a*, которая еще имела конечный согласный *y* (модальное слово *bolay* > *bola*, которое с течением времени было вытеснено тоже модальным словом *ola*)¹⁴. Таким образом, нам кажется, что происхождение *-m* в форме времени на *-a* имело особый характер по сравнению с аффиксом 1-го лица единственного числа в системе аффиксов сказуемости, но в своем проявлении и функционировании в языке испытало влияние этой системы.

Исследователи, анализировавшие форму на *-ğay* по материалам письменных памятников, как правило, разграничивали в ней временное и модальное содержание¹⁵. Турецкая форма на *-a*

¹³ На это явление обратил внимание П. И. Кузнецов в своей работе «Происхождение прошедшего времени на *-dy* и имен действия в тюркских языках» («Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика», М., 1960, стр. 46), отметив закономерный процесс возникновения сокращенной формы аффикса как следствие падения конечного согласного основы.

¹⁴ См. также М. Ergin, *Türk dil bilgisi*, I, § 493.

¹⁵ А. Габин в древнетюркском основном для этой формы полагает значение будущего (указ. раб., § 220), для языка СС — будущее и значение ирреального наклонения (PhTF, 68); А. М. Щербак — будущее («Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана»,

траговалась обычно, как это уже было указано выше, как форма только модального значения. Единства во взглядах на характер этой категории в более ранние периоды истории турецкого языка также не существует¹⁶.

Имеющиеся материалы письменных памятников турецкого языка позволяют нам в общих чертах выделить два этапа в развитии этой формы: один — XIII—XVI вв. (исходная точка здесь весьма условна и определяется лишь дошедшими до нас источниками), когда форма на *-a* составляла одно из звеньев временной системы языка, и второй — последующие века — период угасания данной категории, разрушения парадигмы и превращения формы на *-a* в категорию узкомодального содержания — конечный этап ряда аналогичных образований в тюркских языках. Внимание исследователей к последнему периоду в развитии данной формы, кажется, и обусловило ее преимущественное определение как *Optativ*, *Optativ-Subjonctiv* и т. д.

В своем месте мы пытались определить положение формы на *-a* в кругу не-прошедших форм по памятникам турецкого языка¹⁷. С нашей точки зрения, общим временным содержанием данной формы было выражение непрошедшего действия с неразличением плана настоящего и будущего в самой форме, в силу чего в определенных условиях время на *-a* могло относиться действительное как к плоскости будущего, так и указывать на вневременной характер действия. В этом значении формы на *-a* и *-ur* (неотмеченный член) были противопоставлены формам *-(y)isar* и *-(y)asi*. Функция будущего времени в форме на *-a*, хотя и была ведущей для языка памятников XIII—XVI вв., не составляла ее основного содержания. Между собой формы на *-a* и *-ur* были противопоставлены по признаку реализации действия; первая была отрицательно отмеченным членом и значения настоящего актуального передавать не могла. Признак субъективной обусловленности действия (характеристика наклонения) определял действия, пе-

М.—Л., 1961, стр. 151—152); М. Мансуроглу видит в этой форме значение будущего в старокыпчакском (PhTG, 106); Я. Экманн для языка памятников Хорезма трактует эту форму как будущее-желательное (там же, 133); для Я. Шинкевича основное ее значение — будущее (указ. раб., стр. 37—38) и др.

¹⁶ М. Мансуроглу считал, что форма на *-a* в ранних памятниках выступала как будущее время, желательное наклонение (формы 1-го лица) и долженствительно-желательное наклонение (S. V., 140—147); В. Кылычоглу видит в ней лишь желательное наклонение (TDAY, Belleten, 1953, s. 182); Х. Долу рассматривает форму на *-a* как настоящее время и желательное наклонение (TDAY, Belleten, 1954, s. 225, 229).

¹⁷ «Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв.» («Тюркская филология», изд. МГ — в печати).

редаваемые формами на *-(y)ısar*, *-(y)ası*, *-ır* как независимые, необусловленные в своем проявлении, в то время как форма на *-a* в этой оппозиции была слабо отмеченным членом, с «пустой» модальной характеристикой, которая в зависимости от условий могла получать разное наполнение. Отсюда ее разнообразные модальные оттенки и употребление в различных модальных конструкциях. Некоторые примеры:

lafz oldur ki insan anı dile getüre söyleye (Kad., 8) 'Слово — это то, что человек выражает языком и речью';

Benem ol Rustem cihanda namdar / Kim bir okımdan öle Isfendi-yar (Gülş., 83) 'Я тот Рустем, славный во всем мире, От одной моей стрелы может погибнуть Исфендияр';

Eger ol göle daşını bilürseñüz, eminlige ve rahatlığa... düşe-siz (K. D., 21) 'Если вы сможете переселиться в то озеро, то обретете... покой и безопасность';

...*baña gelecegi vakit ilam edesiz* (Neş. Men., 1, 161) '...сообщите мне, когда он пойдет на меня';

Kimsene eski akçe ile satu bazar ve tuamele etmeye (Bab., 9) 'Никто не должен вести торговлю и операции старыми деньгами';

...*dilemedi kim ol yirtıcılar anıñ korkduğın bileler* (K. D., 3) '...не захотел, чтобы те звери знали, что он испугался';

Gizlediler Yusufı ki satalar (Kor., 28) 'Спрятали Юсуфа, чтобы продать';

Ol kulağ kamı ki bu sırlar sığa (S. V., 21) 'Где то ухо, которое вместило бы эти тайны?'

Нам представляется, что форма на *-a* для периода приблизительно до XVI в. не была категорией собственно желательного наклонения. Невозможно толковать ее по преимущественной функции только как будущее время. Это был особый тип аориста большой семантической емкости, свойственный в целом для определенного периода в развитии тюркских языков, своего рода переходное звено между прямым и косвенным наклонениями, дифференциация между которыми в процессе истории проявлялась все с большей отчетливостью. Потенциально форма на *-a* могла стать желательным наклонением (как стала одним из косвенных наклонений форма на *-ğau* в некоторых тюркских языках). Тенденция к превращению в наклонение гипотаксиса отмечается в дальнейшие периоды существования этой формы (что давало основание авторам европейских грамматик турецкого языка называть эту форму *Subjonctiv*). Период XVI—XVIII вв. характеризуется сдвигами в системе временных форм и прежде всего форм настоящего и будущего времени. Время на *-(y)ısar* постепенно выходит из употребления, в письменный язык входит

форма будущего времени на *-(y)acak*, на базе настоящего-будущего времени на *-ur* развивается настоящее время на *-yor*. Все больше претерпевает изменения и форма на *-a*: происходят нарушения в парадигме, суживается сфера и частотность употребления.

Первое нарушение парадигмы началось с форм 1-го лица и прежде всего с формы единственного числа. Близость значения этой формы и форм желательного наклонения обуславливала в ряде случаев их взаимозаменяемость. Вытеснение формой желательного наклонения формы 1-го лица единственного числа времени на *-a* произошло сначала в независимом употреблении, ибо форма на *-a* дольше сохраняется в придаточных предложениях. Следы этого процесса мы находим в некоторых диалектах. Так, в говоре Газиантепа желательное наклонение в 1-м лице единственного числа имеет две формы: типа *olam* и *oluym < olayım*. Первая форма никогда не употребляется в самостоятельных предложениях и возможна лишь в придаточных предложениях типа *misafirler oturmaları ki ben de oturam/oturuyum*, а также в конструкциях пожеланий/зложеланий¹⁸. Употребление форм типа *olam* здесь можно было бы рассматривать как рефлекс прежней временной формы на *-a*.

Процесс вытеснения форм 1-го лица времени на *-a* формами желательного наклонения нашел известное отражение в грамматических описаниях турецкого языка XVII—XVIII вв. Так, Мегизер выделяет будущее время с основой на *-a*, но в парадигму для 1-го лица единственного числа введена форма желательного наклонения. Та же парадигма, но уже целиком построенная на основе *-a*, рассматривается автором как Subjunctivus¹⁹. Отметим, что форма *-(y)alum* в данных парадигмах не участвует: очевидно, автору она представлялась не связанной с ними. Вигье в парадигму Subjunctiv-Optativ для 1-го лица единственного и множественного числа, а также для 3-го лица включает формы собственно желательного и повелительного наклонений, хотя и отмечает само существование форм типа *alam*, *alavız/alayız*, *ala*²⁰.

В восточнотюркских памятниках также обнаруживается взаимодействие желательного наклонения с формами 1-го лица времени на *-ğay*. В памятниках XIV—XV вв. наряду с преобладающей формой желательного наклонения типа *alayın* отмечены случаи типа *izläğäyin* (Kutb, 154), *yığläğayın* (там же, 153), *tökmäkäyin* (там же, 47), *bağläğayın* (Мух-Н, 124). Думается,

¹⁸ Ömer Asım Aksoy, *Gaziantep ağzı*, İstanbul, 1945, s. 165.

¹⁹ Megiser (Hieronymus), *Institutionum linguae turcicae*, Leipzig, 1612, cap. VII, I.

²⁰ Viguier, *Éléments de la langue turque*, Constantinople, 1790, p. XVII.

что в данном случае имела место контаминация показателей лица. Подобные примеры обычны для поэтических произведений, где нужная по размеру форма типа *bağlayayın*, для которой нормой письменного языка уже было *bağlayın*, вызывала к жизни форму *bağlağayın*, поскольку формы 1-го лица в данных категориях были семантически близки. Следует заметить, что случаи такого употребления отмечаются в глаголах с основой на гласную и единичны при основах на согласную (типа *mingäyin*, PhTF, 129).

Распад парадигмы времени на *-a* в турецком языке, начавшийся с форм 1-го лица, коснулся и форм 3-го лица, которые постепенно были вытеснены формами повелительного наклонения *-sin*, *-sınlar*. Известную жизнеспособность при узком круге употребления сохранили в современном литературном языке формы 2-го лица, в основном форма единственного числа для передачи значения предостережения, опасения. Форма на *-a* представлена в ряде современных турецких диалектов, которые могут дать интересные материалы для ее изучения.

Таким образом, если исходить из современного состояния формы на *-a*, то для литературного языка можно говорить лишь об осколках прежней парадигмы. Процесс отмирания этой формы начался приблизительно в XVI в. и шел по линии утраты временного характера данной формы и превращения ее в категорию модального содержания. Однако этот процесс не привел к созданию новой категории: парадигма распалась, часть ее функций перешла к новым формам времени, часть — к формам желательного и повелительного наклонения, развитие которых шло в сторону расширения сферы относительного употребления. В засвидетельствованную памятниками эпоху форма на *-a* и желательное наклонение существовали как две разные категории и отождествление их представляется неправомерным. Форма на *-a* имела соотносительную восточнотюркскую форму *-ğay/-ğa*, с которой ее сближают общий источник происхождения и сходные тенденции функционирования и развития грамматического значения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A. S. — C. Brockelmann, *Altosmanische Studien I. Die Sprache 'Aşyq-pāšās und Aḫmedis*, ZDMG, LXXIII, 1919.
 Bab. — F. Babinger, *Sultanische Urkunden zur Geschichte der Osmanischen Wirtschaft und Staatsverwaltung am Ausgang der Herrschaft Mehmedes II, des Erobers*, München, 1956.
 Gülş. — Gülşehri, *Mantıku't-Tayr*, Ankara, 1957.
 Kad. — Bergamalı Kadri, *Müeyyiresit-ül-Ulûm*, yayınlıyan' Besim Atalay, İstanbul, 1956.

- K. D. — A. Zajączkowski, *Studja nad językiem staroosmańskim*. I, *Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny*, Krakow, 1934.
- Kop. — A. Zajączkowski, *Studja nad językiem staroosmańskim*. II, *Wybrane rozdziały z anatolijskotureckiego przekładu Koranu*, Kraków, 1937.
- Kutb — A. Zajączkowski, *Najstarsza wersja turecka «Ĥusrāv u Širīn» Quṭba*, С. I, Warszawa, 1958.
- Мух-Н — Хорезми, *Мухаббат-наме*, издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба, М., 1961.
- Neş. Men. — «Gihānūimā», die altosmanische Chronik des Mevlānā Mehemmed Neschrī im Auftrage der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin nach Vorarbeiten von Theodor Menzel, hrsg. von Franz Taeschner, Bd I—II, Leipzig, 1951—1955.
- S. V. — «Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri», yayımlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu, İstanbul, 1958.
- Yus. Z. — Şeyyad Hamza, *Yusuf ve Zeliha*, nakleden Dehri Dilçin, İstanbul, 1946.